

Оперативные органы «Манхэттенского проекта» в годы Второй мировой войны

Одним из важнейших объектов контрразведывательной защиты в США являлась программа по созданию американского ядерного оружия, известная под кодовым обозначением «Манхэттенский проект». Первые попытки ограничить доступ посторонних к научной информации по этой проблеме относятся еще к 1939 году, когда группа бежавших из Европы физиков обратилась к своим американским коллегам с предложением ввести самоцензуру публикаций на тему деления атомного ядра. Ученые-иммигранты не только понимали возможное военное значение этой тематики, но и лучше других знали, к чему может привести создание ядерного оружия в нацистской Германии. Тем не менее они не нашли взаимопонимания у американцев, и материалы по расщеплению атомного ядра продолжали появляться в открытых печатных изданиях Соединенных Штатов.

Тем временем ядерная тематика привлекла внимание спецслужб двух иностранных государств. Первым из них являлся Советский Союз. За 1939–1940 годы внешняя разведка НКВД СССР добыла и доставила в Центр более 450 информационных документов, среди которых особого внимания заслуживали материалы по атомной тематике. Резидент в Нью-Йорке Г. Б. Овакьян первым из советских разведчиков обратил внимание на эту проблему и начал ее разрабатывать, хотя первоначально Москва и не поощряла подобную деятельность, полагая ее абсолютно безрезультатной. Однако после получения ана-

логичных сигналов из Лондона скептицизм НКГБ СССР сменился серьезным интересом к данной теме, что в дальнейшем позволило разведке внести весьма значительный вклад в создание советского атомного оружия. Приблизительно в этот же период вопросами ядерной физики заинтересовался и абвер. Агент АНСТ-Бремен в Соединенных Штатах Р-2232 Альфред Хольхауз 12 декабря 1940 года сообщил об увеличении выработки гелия на американских заводах, значительно превышавшем потребности страны в известных областях его использования: наполнении аэростатов и составлении газовых смесей для дыхания водолазов-глубоководников. Хольхауз был химиком и, очевидно, весьма неплохим, поскольку высказал предположение об использовании избыточных количеств этого инертного газа в исследованиях по ядерной физике, возможно, связанных с применением в военных целях. После возвращения в Бремен весной 1941 года он настаивал на своем предположении и убедил руководство разведки обратить на это самое серьезное внимание. Абвер направил соответствующие запросы в сухопутные войска, люфтваффе и кригсмарине. Первыми откликнулись моряки, почти высмеявшие беспокойство разведки из-за пустяков. Ответ авиаторов последовал лишь 19 января 1942 года и был более взвешенным: разведка люфтваффе не могла вынести по затронутому вопросу никакого суждения и рекомендовала абверу выяснять дополнительные сведения. Зато началь-

И. И. Ландер

smt-adm@smt.yuzhny.odessa.ua

ник военно-технического управления вермахта Ропер отнесся к информации со всей серьезностью. Его ответ гласил: «Через другую агентуру, находящуюся на территории США, желательнее выяснить:

- 1) какие процессы используются для выработки тяжелого урана;
- 2) где, включая частные промышленные лаборатории, ведутся такие эксперименты с большими количествами урана;
- 3) какое другое сырье используется в различных процессах».

Документ свидетельствовал о знакомстве его автора с атомной проблемой, что было неудивительно, поскольку вермахт с 20 сентября 1939 года осуществлял «Предварительную рабочую программу начальных экспериментов по использованию ядерного расщепления». Пожелания Ропера не остались без последствий. В середине 1942 года в Соединенные Штаты отбыл очередной агент абвера, голландец Альфред Кохлер с заданием изучить ситуацию в ядерной физике в США, и хотя он не смог достичь никаких результатов в разведке урановой программы, сам факт появления первого «ядерного шпиона» достаточно симптоматичен.

Понимание серьезности проблемы пришло к правительству США в апреле 1940 года. После этого в Отделении физических наук Национального совета по исследованиям был создан комитет по ограничению публикаций по ряду чувствительных тем, в особенности по урановой проблеме и по цепной реакции вообще – так называемый Урановый комитет. В июне 1940 года он стал подкомитетом Национального комитета по оборонным исследованиям (НДРК) и сразу же был включен в список объектов контрразведывательной защиты. Это в первую очередь предусматривало дробление информационных потоков внутри комитета в целях исключения несанкционированного доступа к целостной информации, засекречивание его материалов и организацию системы допусков к ним. Поскольку НДРК ведал проектами для вооруженных сил, все вопросы его безопасности

входили в сферу ответственности военной контрразведки.

В ноябре 1941 года урановая программа из НДРК перешла в ведение Бюро научных исследований и разработок (ОСРД), но первоначально это почти не сказалось на довольно мягкой системе обеспечения безопасности проекта. Отличие заключалось лишь в расширении контактов с производителями, несколько подстегнувшим ее. Однако весной следующего года положение принципиально из-

Генерал Лесли Гроувз

менилось. Начало практического осуществления программы по созданию ядерного оружия привело к вовлечению в эту деятельность десятков тысяч работников производственных предприятий, многократному увеличению объема секретной переписки и иным последствиям, в корне изменившим оперативную обстановку вокруг проекта. Армия столкнулась с абсолютно незнакомой для себя задачей организации взаимоотношений с сотнями заводов, каждый из которых выполнял часть общего плана работы. Они были разбросаны по всей территории страны и потому находились в сфере ответственности различных органов безопасности, прежде всего, территориальных отделений ФБР. Стала очевидной необходимость организации единого подразделения, которое отвечало бы за защиту информации, физическую охрану, противодействие разведывательным устремлениям противника, противодиверсионное обеспечение и прочие аспекты безопасности. При этом следовало отыскать некое компромиссное решение, поскольку факторы, способствовавшие ускорению исследований,

зачастую резко снижали безопасность всего проекта или его отдельных частей. Ранее накопленный опыт не мог быть использован, поскольку он в основном ограничивался введением локальных мер безопасности на занятых военными программами заводах.

Выход был найден в формировании Манхэттенского инженерного округа, подчиненного начальнику инженерных войск армии Соединенных Штатов. Его создали для централизации работ по строительству трех так называемых «городов»: Ок-Риджа, Теннесси (ядерный реактор и завод по выработке оружейного урана-235 из природного урана-238), Хэнфорда, Вашингтон (плутониевый комбинат) и Лос-Аламоса, Нью-Мексико (лаборатория по разработке и созданию бомбы). Вся программа создания ядерного оружия по аналогии с инженерным округом получила кодовое обозначение «Манхэттенский проект». Ее военным руководителем был назначен заместитель начальника инженерных войск армии США полковник (в дальнейшем дослужившийся до звания генерал-лейтенанта) Лесли Ричард Гроувз. В задачу данной статьи не входит изложение истории создания ядерного оружия, поэтому в ней рассматриваются лишь вопросы контрразведывательного обеспечения этого процесса и сбора информации по ядерной проблеме.

Командующий Манхэттенским инженерным округом («главный инженер») полковник Джеймс Маршалл в июне 1942 года организовал в своем подчинении Секцию защиты безопасности, отвечающую за безопасность заводов, персонала и защиту военной информации. В военной разведке за безопасность ядерного направления отвечал майор Джон Лэнсдейл-младший, для начала договорившийся с руководителями всех контрразведывательных органов Западного оборонительного командования о назначении специальных офицеров для прямой связи с ним. Начальник Отдела военной разведки генерал Стронг подтвердил исключительные полномочия Лэнсдейла. Вскоре выяснилось, что сил

и средств Секции защиты безопасности «Манхэттенского проекта» недостаточно, и что эффективно работать на этом направлении невозможно без наличия соответствующего контрразведывательного подразделения в Вашингтоне. В скором времени таковое было создано под наименованием прикрытия Сектор следственных отчетов МИС (Служба военной разведки). Самому Лэнсдейлу предоставили статус помощника директора МИС по безопасности, но и он сам, и واشنطنская группа подчинялись исключительно генералу Гроувзу.

В начале 1943 года существенное увеличение территории и численности личного состава Манхэттенского инженерного округа создали новые проблемы в обеспечении безопасности ядерной программы. В связи с этим генерал Стронг командировал в помощь Лэнсдейлу капитанов Хорейшо К. Кэлверта и Роберта Дж. Мак-Леода с задачей сформировать Разведывательную секцию в составе Отделения службы и контроля округа. После успешного выполнения этой задачи новый оперативный орган возглавил Кэлверт. Первым этапом общегосударственной программы обеспечения безопасности атомного проекта стало состоявшееся по настоянию начальника МИД (Отдел военной разведки) назначение во всех территориальных командованиях специальных офицеров для связи с Разведывательной секцией «Манхэттенского проекта». Округ также получил в свое распоряжение отдельный отряд Контрразведывательного корпуса, военнослужащие которого направлялись в места работы над частями проекта. Прикомандированные к заводам и лабораториям сержанты и офицеры всегда числились по штату инженерных войск и, помимо выполнения общих контрразведывательных функций, отвечали за обеспечение безопасности персонала. Они находились на связи как с собственным руководством, так и с местными территориальными органами МИС. Всего обеспечением безопасности проекта занимались 11 подразделений и органов в различных частях Соединенных Штатов.

Летом 1943 года, после утверждения программы строительства новых заводов, штаб-квартиру округа в августе перевели из Нью-Йорка в Ок-Ридж. В стремлении централизовать систему оперативного обслуживания из Секции защиты безопасности и Разведывательной секции в июле была образована единая Секция разведки и безопасности Отделения службы и контроля округа. Ее руководителем был назначен капитан Кэлверт. Казалось, структура оперативных органов по обеспечению безопасности программы создания ядерного оружия США устоялась, но тут в этот процесс вмешался внешний фактор. Как известно, принципиальная реорганизация всей системы органов военной контрразведки внутри Соединенных Штатов привела к переходу их полномочий к военной полиции. В числе прочих, права работать на территории США был лишен и Контрразведывательный корпус.

Такое развитие событий крайне обеспокоило Гроувза как в отноше-

нии обеспечения безопасности проекта в целом, так и в части сохранения собственного контроля над этой системой. Его тревогу разделял Лэнсдейл, совместно с генералом обратившийся к командованию армии с предложением исключить оперативные органы «Манхэттенского проекта» из общей системы военной контрразведки. В декабре 1943 года МИД принял по этому поводу специальное решение, согласно которому Манхэттенский инженерный округ получил право не только сохранить полномочия своей Секции разведки и безопасности, но и сформировать свой собственный отдельный контрразведывательный отряд. Гроувз собрался назначить его команди-

ром Лэнсдейла, но передумал и перевел майора в Вашингтон в качестве своего специального помощника по безопасности. Его обязанности на этом посту включали информирование генерала о проблемах, состоянии дел и развитии ситуации в вопросах внутренней безопасности и внешней разведки в части, могущей иметь отношение к проекту.

Перевод контрразведки в непосредственное подчинение Манхэттенского инженерного округа внес серьезные изменения в систему ее организации. В феврале 1944 года Секция разведки и безопасности была выведена из состава Отделения службы и контроля под прямое руководство командующего округом, которым с августа 1943 года являлся полковник Николз, и получила статус самостоятельного отделения. Гроувз направил Кэлверта с особой миссией в Лондон и назначил на его место подполковника Уильяма Б. Парсонса, ранее возглавлявшего программу безопасности проекта. Заместителем Парсонса стал майор Мак-Леод, а исполнительным офицером Отделения разведки и безопасности – капитан Бернارد У. Менке.

К рассматриваемому времени заметно увеличилась потребность в кадрах контрразведчиков, которые осуществляли постоянный надзор за техническими исследованиями и производственным процессом на заводах. Для этой цели в округ дополнительно были направлены 25 офицеров, 137 рядовых и многочисленный гражданский персонал. Чтобы не отвлекать контрразведчиков на второстепенные административные задачи, в мае 1945 года Николз сформировал Особый инженерный отряд (временный), командиром которого по совместительству стал подполковник Парсонс. К рассматриваемому времени Отделение разведки и безопасности имело следующую организационную структуру:

- Сектор «Механического завода в Клинтоне» (КЕВ);
- Сектор безопасности;
- Административный сектор;
- Сектор защиты военной информации (СМИ);

- Сектор филиалов;
- Сектор оценок и обзоров.

Из перечисленных подразделений первые три, действовавшие главным образом в районе штата Теннесси, пребывали под непосредственным руководством Мак-Леода. Сектор КЕВ руководил службой охраны завода и подразделением военной полиции, координировал деятельность низовых органов безопасности в зонах газовой диффузии, электромагнитных процессов и реактора, а также составлял обзоры обстановки. Сектор безопасности в основном ведал вопросами безопасности заводов, вовлеченных в проект, в первую очередь в Ок-Ридже, а также транспортировкой секретных материалов и оборудования. В сферу ответственности Административного сектора входили вопросы безопасности военного и гражданского персонала, специальное оборудование для технического исследования почтовых отправок и работа с некоторыми секретными оперативными фондами. Секторы СМИ, филиалов, оценок и обзоров подчинялись капитану Менке. Первый из них отслеживал ход обучения обеспечению безопасности, руководил цензурой и организовывал процесс обработки секретных материалов. Центральный аппарат Отделения разведки и безопасности организовывал работу в районе Теннесси и в 11 филиалах, но последними непосредственно ведал Сектор филиалов. Сектор оценок и обзоров обрабатывал следственные материалы по делам с окраской «подрывная деятельность» и готовил специальные отчеты в вышестоящие инстанции.

Американская программа создания ядерного оружия была весьма уязвима в контрразведывательном и противодиверсионном отношении. Огромные, ранее невиданные масштабы и вовлечение в нее десятков тысяч ученых, инженеров, рабочих и служащих создавали благоприятную обстановку для проникновения в «Манхэттенский проект» иностранных агентов или внутренних подрывных элементов. Рассчитывать на абсолютные гарантии си-

стемы допусков и проверок не приходилось, поскольку они отфильтровывали лишь более или менее явных противников. Командование армии и руководство ФБР понимали, что вскоре о ведущихся разработках и исследованиях неизбежно узнают Германия, Япония и СССР. А поскольку эти страны, по твердому убеждению Вашингтона, также осуществляли собственные ядерные программы, они с помощью своих спецслужб должны были заняться либо саботажем «Манхэттенского проекта», либо похищением его секретов, либо и тем и другим одновременно.

В качестве контрмер КИК (Контрразведывательный корпус) начал активно осуществлять превентивное оперативное изучение всех уязвимых мест в системе прохождения информации о программе разработки ядерного оружия с целью их выявления и закрытия. В ходе ряда операций было выявлено несколько случаев передачи секретной информации по незащищенным каналам. Судя по всему, основными причинами этого являлись невнимательность, небрежность и игнорирование установленных правил, хотя с достоверностью установить подлинные мотивы таких поступков так и не удалось. У руководства контрразведки осталось опасение, что зафиксированные эпизоды в действительности являлись верхушкой айсберга, основная часть которого осталась не выявленной. По этой причине каждый эпизод расследовали весьма углубленно, а наблюдение за его фигурантами продолжалось и после закрытия дела. В 1943 году в проект под глубоким прикрытием была внедрена группа агентов Контрразведывательного корпуса. Нелегалов распределили по ключевым позициям в бюро, заводах и лабораториях, усилив их прикомандированной бригадой для осуществления постоянного наружного наблюдения, подслушивания и записи разговоров. Большинство дел КИК в области обеспечения безопасности «Манхэттенского проекта» касались случаев утечки секретной информации через нелояльных или идеологически связанных с нелояльными орга-

низациями лиц. Многие эпизоды начинались с подозрения в шпионаже, но после проверки сигналов лишь около 100 из них были признаны заслуживающими дальнейшей разработки. Ни в одном из случаев первоначальные подозрения не подтвердились.

Вторым направлением деятельности контрразведки стала углубленная проверка всех допущенных к работе в проекте военных и гражданских лиц. При этом данные первоначальных проверок в расчет не принимались, а использовались исключительно в справочных целях и для сопоставления информации. В неясных или сомнительных случаях проводилось дополнительное расследование. Особенно углубленно проверялись иностранные ученые и техники, прежде всего беженцы из стран оси. Ввиду острого дефицита квалифицированных кадров решение по каждому случаю принималось отдельно.

Классическим примером такого отношения стала проверка возглавлявшего лабораторию в Лос-Аламосе Роберта Оппенгеймера, будущего научного руководителя всего «Манхэттенского проекта». В феврале 1943 года он весьма поверхностно проверялся по линии ОСРД. Директор Бюро научных исследований и разработок Ванневар Буш и некоторые руководители высшего эшелона знали о прошлых левых взглядах и связях ученого, но, несмотря на это, весной того же года направили его на работу в Лос-Аламос. В это же время подполковник Борис Т. Паш закончил порученное ему Гроувзом расследование возможного коммунистического проникновения в Радиационную лабораторию Калифорнийского университета в Беркли, в ходе которого под подозрение в нелояльности попали несколько человек из окружения Оппенгеймера. Естественно, это вызвало аналогичные подозрения и в отношении самого ученого. 29 июня Паш доложил Гроувзу, что руководитель лаборатории все еще может поддерживать связь с коммунистами, и предложил три возможные линии поведения в данной ситуации: срочная замена Оппенгеймера

другим специалистом, назначение к нему заместителя с перспективой постепенной замены и вызов в Вашингтон для беседы.

Сам Паш рекомендовал третий путь. Согласно его замыслу, Гроувз и Стронг должны были сообщить ученому о существовании компрометирующих его материалов и предупредить, что весь проект пребывает под особым контролем, любые утечки информации будут выявляться, а виновные в них понесут строгое наказание. Паш был убежден, что Оппенгеймер более всего заинтересован в собственном научном будущем, в успехе проекта и в укреплении своей репутации, ради чего станет стараться из всех сил. Подполковник рекомендовал известить руководителя лаборатории о прикреплении к нему двух телохранителей для защиты от возможных покушений со стороны германских или японских агентов. Он рассчитывал, что ученый поймет: в первую очередь охранники будут выполнять надзорные функции, и воздержится от необдуманных поступков. Гроувз, однако, поступил по-своему. Важность Оппенгеймера для всего проекта перевешивала негативное впечатление от его прошлых левых убеждений, поэтому 15 июля генерал своей властью предоставил ему неограниченный доступ к работе в Лос-Аламосе. Гроувз справедливо полагал, что в столь сомнительном случае ни один официальный орган не возьмет на себя ответственность за разрешение. Он был убежден, что его подопечный является лояльным гражданином и не даст вовлечь себя в антигосударственные действия. Будущее показало его правоту. Оппенгеймер честно трудился и начал высказывать сомнения и возражения в правильности курса США на создание и применение ядерного оружия лишь после завершения работ, когда это, в принципе, было уже не столь важно.

С Оппенгеймером и Радиационной лабораторией в Беркли связан и другой эпизод. В феврале 1943 года контрразведка Западного оборонительного командования установила, что советская разведка добыла информацию о деятельно-

сти этого научного учреждения, а также приступила к раскрытию агентурной сети, организованной в нем одним из ведущих коммунистов на Западном побережье Соединенных Штатов для обеспечения регулярного добывания информации об исследованиях. Согласно имевшимся сведениям, несколько скрытых коммунистов получили работу в лаборатории и по партийным каналам передавали собранную информацию о работе

Роберт Оппенгеймер и генерал Лесли Гроувз

над урановым проектом вице-консулу СССР в Сан-Франциско Г. М. Хейфецу. В начале апреля контрразведке стало известно о финансировании через советское консульство некоего неустановленного регионального руководителя компартии на Западном побережье страны. В результате ряда оперативных мероприятий нелояльных сотрудников лаборатории выявили и уволили, после чего призвали на военную службу, назначив на должность без доступа к секретным материалам. Стало известно, что упомянутый высокопоставленный коммунист, которого пока не удавалось идентифицировать, был другом Роберта Оппенгеймера, и тогда Гроувз приехал в Лос-Аламос и потребовал от ученого раскрыть ему имя этого человека. Тот подчинился и указал на профессора романской филологии Кали-

форнийского университета Мориса Хаакона Шевалье, которого вскоре без шума уволили, после чего он уехал из Беркли. Ряд позднейших исследователей придерживается мнения о том, что Оппенгеймер, возможно, по согласованию с коммунистами, назвал Гроувзу совершенно непричастного к атомному шпионажу человека, однако ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию фактами не представляется возможным.

Следующий подобный случай произошел в 1944 году. Функционеры компартии сумели убедить одного из ведущих американских ученых встретиться с сотрудником консульства СССР и сообщить тому некоторые сведения о реакторе, информацию из области химии и о прибывших из Великобритании ученых. После поступления в контрразведку сигнала о состоявшейся встрече этого ученого убрали с занимаемой должности, и более в Калифорнии подобные эпизоды не фиксировались. Однако они имели место в других регионах страны. В начале 1944 года советский агент, специалист по советской и американской промышленности, прибыл в Чикаго и установил контакты с несколькими служащими Металлургической лаборатории. Местное отделение ФБР зафиксировало факт передачи им значительного объема информации в консульство СССР в Нью-Йорке, после чего скомпрометированных сотрудников лаборатории уволили. Позднее одного из них призвали в армию и направили в Канаду, где агенты КИК обнаружили в его багаже вывезенные им из Чикаго секретные материалы. Их негласно изъяли, а самого бывшего ученого отправили на тихоокеанский театр военных действий, где любые его контакты с иностранными разведчиками исключались.

Описанные эпизоды относятся к советскому проникновению не в сам «Манхэттенский проект», а в иные, хотя и смежные с ним сферы. Что касается непосредственно ядерной программы, то до января 1945 года МИД и ФБР не догадывались о размерах утечки информации о ней. Контрразведка

«Манхэттенского проекта» искала также признаки активности германских разведывательных служб в этой области, однако обнаружить ничего конкретного не сумела.

Руководство проекта весьма опасалось не только возможного похищения научных и технологических секретов, но и любых форм диверсий и саботажа, способных резко снизить или вообще затормозить создание американского ядерного оружия. Малейшие подозрения в этой области немедленно докладывались лично Гроувзу, а все случаи поломок, аварий или сбоев в работе в обязательном порядке расследовались на предмет выявления возможного саботажа. За весь период войны ни одного случая вражеского вредительства не было зафиксировано, хотя эпизоды сознательного вмешательства в технологический процесс действительно имели место. Они являлись делом рук обиженных рабочих: в частности, один из них вбил гвозди в резиновую изоляцию кабелей в отместку за конфликт с начальством.

Разрабатывая собственное ядерное оружие, американцы не сбрасывали со счетов возможность получения аналогичных результатов в иностранных государствах, в первую очередь в Германии. В Соединенных Штатах с большим уважением относились к немецкой промышленности и к авторитетным ученым, в первую очередь лауреатам Нобелевской премии Отто Гану и Вернеру Гейзенбергу. По этой причине военная разведка и руководство «Манхэттенского проекта» прилагали немалые усилия для вскрытия германских достижений в области ядерной физики вообще и создания урановой бомбы в частности. По согласованию с американцами англичане приступили к опережающим действиям и осуществили операции по уничтожению запасов тяжелой воды и завода по ее производству в Норвегии. Позднее выяснилось, что особого смысла они не имели, поскольку использование окиси дейтерия в качестве замедлителя нейтронов в рассматриваемый период являлось неэффективным и тупико-

вым путем. Американцы, со своей стороны, подошли к проблеме комплексно и поставили перед своими спецслужбами задачу не только выяснить достижения противника в этой сфере, но и захватить и доставить в США его ведущих ученых-физиков, запасы делящегося материала и относящиеся к расщеплению ядра атома документацию и оборудование.

Для решения этой комплексной задачи в 1943 году в рамках «Манхэттенского проекта» была сформирована миссия по научной разведке для изучения германских

достижений в создании ядерного оружия. С начала Второй мировой войны американцы полагали, что отстают на данном направлении от рейха на два года, но ясность в этом вопросе пока отсутствовала. Позитивную информацию не смогла добыть ни одна ветвь разведывательного сообщества США, и в результате бесед Гроувза со Стронгом последний направил начальнику штаба армии свои соображения: «Хотя основная доля секретных научных работ противника производится на территории Германии, весьма вероятно, что ценную информацию по этим вопросам можно добыть и в Италии, допросив крупных итальянских ученых. Диапазон предлагаемых им вопросов должен охватывать все важные военно-технические исследования, и допрос следует вести так, чтобы не выдать наиболее интересующих нас вопросов. <...> В целях осуществления изложенной операции предлагаю направить в соответствующее время в оккупированную часть Италии небольшую группу ученых в сопровождении необходимого военного персонала». Стронг отмечал,

что эта операция может стать первой из серии подобных акций в других регионах. Генерал Маршалл распорядился выделить столь важную задачу в ведение особого разведоргана со штаб-квартирой в Лондоне. И сам орган, и направляемые им миссии получили кодовое наименование «Алсос». По случайному и курьезному совпадению, это слово переводилось с греческого языка как «роща», что почти полностью соответствовало смысловому значению фамилии военного руководителя ядерной программы США (Groves – роши), немало встревожившее его ввиду возможности возникновения определенных ассоциаций. Однако по непонятной для непосвященных причине изменять кодовое наименование было бы еще хуже, поскольку именно это и могло натолкнуть на нежелательные аналогии. В результате название миссии сохранилось и вошло в историю создания американской атомной бомбы.

В административных целях «Алсос» подчинили военной разведке. Лондонский центр «Манхэттенского проекта» организовывал майор Р. Фрумэн, но позднее он передал свой пост капитану, впоследствии майору Хорейшо К. Кэлверту и возвратился в США в распоряжение Гроувза. К этому времени в Алжир для дальнейшей переброски в Италию была направлена миссия «Алсос I» и формировалась для заброски во Францию «Алсос II».

Итальянская группа в составе начальника подполковника Бориса Паша, четырех агентов Контрразведывательного корпуса и четырех ученых прибыла в страну 17 июня 1943 года и оказалась в Риме 19 июня. Ключевыми научными фигурами в составе миссии являлись майор У. Оллис из военного министерства, капитан 3-го ранга Е. Одд из министерства ВМС, доктор Дж. Фиск и доктор Дж. Джонсон из ОСРД. Их задачей являлось установление наличия в Италии специалистов в области расщепления атомного ядра, выявление запасов урана или тория, соответствующих лабораторий или промышленных

объектов. В случае обнаружения любых имеющих отношение к этому лиц, документации и оборудования их следовало захватить и доставить в Соединенные Штаты. Действия «Алсос I» не принесли каких-либо ощутимых результатов, прежде всего, по причине остановки наступления на Рим. Единственным позитивным итогом миссии стала убежденность в том, что торий можно вычеркнуть из списка потенциального сырья для ядерного оружия Третьего рейха. Нахождение основных залежей этого металла в Бразилии и Индии полностью исключало опасность попадания его в руки немцев.

К этому времени американцы уже несколько успокоились в отношении возможности использования немцами оружейного урана, поскольку знали о том, какими громадными и энергоемкими должны быть заводы по его выделению из природного урана, то есть незамеченными они остаться не могли. Существовал, однако, и альтернативный путь: использование в ядерном оружии плутония, который можно было добыть на значительно меньших по размеру установках. Но для этого процесса также требовался уран, поэтому усилия всей операции «Алсос», в частности, были направлены на поиск возможных путей попадания в Германию этого сырья. Следовало также сделать поправку на вероятность отыскания немецкими учеными принципиально иных технологий обогащения урана, возможно, не требовавших для своего осуществления грандиозных промышленных объектов.

Существовала опасность попадания в рейх чешской урановой руды из Йоахимсталя, в связи с чем был взят под плотное наблюдение завод фирмы «Ауэр Гезельшафт», способный выделять из нее уран. Однако в результате воздушной разведки этого объекта американцы убедились, что ни размеры отвалов породы, ни транспортная активность, ни иные признаки не указывают на работу немцев в этом направлении. Одновременно американская и британская разведки изучали все германские заводы по переработке редких металлов, фи-

зические лаборатории, предприятия, связанные с ураном и торием, электростанции и заводы по производству центробежных и поршневых насосов. На все объекты заводились особые формуляры, и после установления отсутствия их связей с программой создания ядерного оружия они постепенно исключались из списков «Алсос».

Немалые надежды возлагались на миссию «Алсос II», передовая группа которой была высажена в оккупированной Франции 9 августа 1944 года. Потом полковник Паш, капитан Кэлверт и двое сопровождавших их агентов КИК присоединились к наступающим войскам 12-й армии и вместе с ними продвигались по направлению к французской столице. «Джип» Паша оказался второй машиной союзников, вошедшей в освобожденный Париж. Там американцы намеревались побеседовать с известным ученым Фредериком Жолио-Кюри, что они и сделали, причем пришли к выводу, что полностью доверять ему нельзя из-за утверждений

француза о незначительности достигнутых немцами результатов. Самой важной почерпнутой от него информацией оказались фамилии посещавших парижскую лабораторию германских ученых-атомщиков: Эриха Шумана, Курта Дибнера, Вальтера Боте, Абрахама Эссау, Вольфганга Гернера, Эриха Багге и Вернера Маурера.

После стабилизации положения передовая штаб-квартира «Алсос» была создана в Париже. Из ее соста-

ва к наступающим войскам прикомандировывались несколько мелких групп, предназначенных для захвата урана, тяжелой воды и научной документации, а также изъятия немецких ученых, что оказалось самой трудной задачей. Контрнаступление вермахта в конце 1944 года практически положило конец активным операциям «Алсос II». Однако уже 24 февраля 1945 года на территорию рейха в страшной спешке была заброшена миссия «Алсос III», основной задачей которой являлось предотвращение захвата советскими союзниками любых сведений и, тем более, – немецких ученых.

В ходе операции возникали различные ситуации, в частности бомбардировка 612 самолетами B-17 завода в Ораниенбауме. Этот объект значился в списках «Алсос» как ядерный, но разведгруппам достичь его было абсолютно невозможно. Тогда по просьбе Гроувза генерал Маршалл распорядился сбросить на него 15 марта 1945 года 2 тысячи тонн бомб, полностью уничтоживших завод вместе со всем оборудованием. Не менее решительно американцы поступали и с французами, которым также была отведена своя зона оккупации. Именно в ней оказался Хехинген, где размещалась большая атомная лаборатория, в которой работали такие видные немецкие ученые, как Отто Ган, Карл фон Вейцзеккер и Макс фон Лауэ. Для предотвращения их возможного попадания в руки французов американские войска изменили направление своего наступления, прошли диагонально перед фронтом союзников и все-таки первыми вошли в Хехинген.

Постепенно миссия «Алсос» выросла до 28 офицеров, 43 рядовых, 19 ученых, 5 гражданских служащих и 19 агентов Контрразведывательного корпуса. Все они проделали большую и опасную работу, но основными ее результатами стали установление факта выбора германскими учеными неверного пути в создании ядерного оружия, а также захват и доставка в страну более 70 тонн радия и урана. После выполнения поставленных перед миссией задач «Алсос» была распущена 15 октября 1945 года. ■